

ПОЭТ НАЧИНАЕТСЯ РАНЬШЕ СТИХОВ

В России появляются «новые люди»

Независимая газ. - 24.07.28 г. стр. - с. 14

Поэт и священник. Дмитрий Здраевский (слева) и отец Владимир (Тиманов) во время храмового праздника.

били душу, выкорчевывая из нее тяжелые строки:

*Руки гвоздями к кресту
Пришили Иисусу Христу.
А вы бы могли бы
На дыбу?*

Вера к нему пришла в последние годы. Хотя был в детстве крещен. Одиннадцать лет весь завод помогает восстанавливать храм Зосимы и Савватия в Гольяново. Настоятель храма отец Владимир (Тимаков) — человек высокой образованности, председатель дисциплинарной комиссии Патриархии, кандидат богословских наук, в свое время крестил Сергея Аверинцева. У него Дмитрий познакомился с писателем Владимиром Солоухиным. На храмовых праздниках пили водку, говорили в застолье о стихах. Батюшка всегда сажал их рядом — чуял родство душ! «Давай, пиши!» — ободрял автор «Владимирских проселков». Впрочем, о стихах как-то говорить не удавалось. Все больше — о восстановлении храма. Нередко Солоухин, блестящий рассказчик, вспоминал, как попал в литературу. А еще говорили об иконах — писатель признавал, что в коллекции икон у отца Владимира были такие, о которых можно было мечтать! Настоятель сам их находил — порой на свалках! — реставрировал, потом дарил храмам Москвы. В коллекции была даже перламутровая икона, привезенная в свое время из Греции и подаренная императору Николаю Второму. Одну икону из триптиха XVII века отец Владимир подарил в день освящения завода своему питомцу — так и висит в кабинете образ — там, где обычно вешают портрет президента.

Что случилось? Ничего...

*Сердце бьется не напрасно
Пониманием того,
Как мгновение прекрасно.
Ощущением «на ты»
Желтизны опавших листьев,
Пониманием правоты
Назубок известных истин.*

Новые люди... О них испокон веку мечталось в России. Какими они будут? Сотканные из Четвертого сна Веры Павловны? Пламенные Павки в буденовках — на строительных бесчисленных узкоколейках? Шестидесятники на кухоньках с воспаленными речами о возвращении к ленинским нормам?.. Известно, что при создании «Отцов и детей» Тургенев вел для себя «Дневник Базарова». По окончании романа это осталось ненужным сырьем. Ненужным ли?..

Вопреки всем прогнозам, новые люди появлялись в России исподволь, незапрограммированно, сами собой — с упорством весенней травы, пробивающей асфальт прагматической самодостаточности, лукавой косности, исконно русского надвательства... Какими будут новые люди нового века? Бог ведает. Главное — они будут!

С УЩЕСТВУЕТ лукавая лирическая притча: две рыбки плавают в аквариуме. Одна говорит другой: «Вот ты все твердишь, что Бога нет, Бога нет! А кто же в таком случае меняет нам воду в аквариуме?»

Сквозь закоренелый атеизм, ставший нашей эрзац-кожей, нет-нет да пробьются к нам с трудом вписывающиеся в ненормальный наш прагматический быт и бытие мысли: что делает нас венцом Природы в этом прекрасном и яростном мире? Что останется после нас (три чеховских условия — построенный дом, посаженное дерево и выращенный ребенок — чур, не в счет — слишком общее место!)? И главное — почему иногда наступает минута, когда охватывает душу необъяснимый трепет и желание сказать об этом мире и о себе, явившемся в этот мир, с во и — незаемные! — слова? «Болезнь устрица рождает жемчужину», — говорят на Востоке. Вечно болезненная душа русского человека (а кто будет утверждать обратное?) не может не рождать жемчужины. Красоты — будь то заунывное пение за столом несусветной песни о Стеньке с его персиянкой-княжной, или стучание пальцев по струнам гитары, или вырывающиеся помимо твоей воли из самых глубин души поэтические строки. Последнее — Поэзия! — крест России, который она несла и долго еще будет нести. Наверное, этот жанр был создан именно для нашего воздуха, нашего кроя легких, нашего утихомиривания буйств и плачей души. Не случайно «новые люди» в России появлялись сначала в Поэзии, а потом — в иных жанрах Жизни.

Поэт начинается раньше стихов. Герой нашего рассказа Дмитрий Здраевский — из тех людей, кто осознал, что мир состоит из поэтического вещества, данного нам в полуночных ощущениях души:

*Ты нас сотворил как
подобье Свое,
А что получил в результате?*

*Ни права, ни правды —
сплошное вранье.*

Создатель! Создатель!

*Ты мир сотворил для любви
и добра,*

А что получил в результате?

*Жестокость и зависть —
закон топора.*

Создатель! Создатель!

Создатель!..

Эти строки, написанные еще до перестроенных разрежений и вселозволенностей, стали программными в творчестве поэта. Впрочем, шел он к ним обычным путем, схожим с тем российским большаком, которым все мы входили во взрослую жизнь. Первое стихотворение написал в армии — на Урале, в каком-то сверхсекретном городе, где что-то усиленно охраняли («Он спрятан где-то на Урале, среди лесистых древних гор. А чтобы тайну не украли, вокруг него стоит забор...»). Стихотворение родилось совершенно случайно: замполит попросил написать для газеты. В 21 год у всех нас за крылья рабо-

тают локти. Потом, только потом, мы узнаем из записок Пушкина, что есть у некоторых людей «орган полета». Но это — потом. А поначалу — пишется стихи... догадываетесь о чем? Конечно, о присяге! Только потом, позже, они — стихи — начинают идти сами собой... Время, возраст, обстановка располагали к стихам: Уральские горы; небо с густыми облаками, словно выданными из тюбика с зубной пастой; ранние сумерки, когда в преддверии домов горит негласный свет; лужи, выдыхающие пар, словно свежие сосновые распили; какой-нибудь ковыляющий местный старик с военной медалью, на которой Ленин и Сталин прижались в профиль — щечка к щечке... Стихи, как женщины: приходят, когда их не просят. Или вдруг вырывается вопль:

*Господи, привязан я
К месту обитания,
А душа бродяжная
Просится в скитания...
Потом у него пошла взрослая*

жизнь, когда мы вращаемся в быт, притираемся друг к другу на этом единственном земном шарике. А тут в шестидесятые годы Россия и ее любители поэзии открыли для себя по второму разу Есенина, потом — Блока, потом по первому разу — Цветаеву... Появились новые магические радиусы действия души. Для Дмитрия Здраевского в первом ряду стоял именно Есенин, его пяти-томник, перевернул все представления о том, что «любовь — не вздох на скамейке...». Впрочем, была и любовь первая, пылкая, безответная. Девушка была из Воронежа. Нашему москвичу приходилось летать к ней на самолете. С гиацинтами, которые по знакомству доставала жена брата. Поэтом замечено: «У счастливой любви не бывает стихов...» Как и ведется, в сухом остатке от первой любви остались стихи, много стихов:

*На сковородке страшен вальс,
Когда угли под ней,
Какие черти носят Вас,
Безумная, по ней?*

Мы живем, не замечая, как нолики прицепляются без спросу к нашему возрасту. Дмитрий Здраевский работал главным инженером, потом директором завода — выпускал трансформаторные подстанции для жилых домов Москвы. Любил шутить: «Где у дома такая будочка стоит, это значит я стою!» Жизнь пошла в двух измерениях: одна — на заводе. Ни дня без опаски и опасности! Опять шутит: «Привык жить под судом и следствием постоянно. Главный инженер был самым главным посадочным материалом при советской власти. Эту должность специально выдумали. Любое предприятие при советской власти не могло функционировать без нарушения инструкций, законов и прочее. Я человек, который привык идти к цели. Это моя натура, способ существования.

А уж во время перестройки сам Бог велел так дальше действовать. Приходилось изворачиваться, чтобы коллектив завода регулярно получал зарплату —

даже когда в стране не печатали денег! У нас на заводе они были — хватало и для того, чтобы уволить ни одного человека, и для того, чтобы платить давно не работающим на заводе пенсионерам, и для того, чтобы восстанавливать храм... Стихи по сравнению с этим напряжением — пустяк! Но этот «пустяк», ставший второй жизнью, своим напряжением, право, мог соперничать с Братской ГЭС.

Так и жил, ощущая себя в двух экземплярах — словно в парке сюрского периода: душа была готова на все, рассудок — на все остальное. Три десятка лет ходил, что-то сочинял, записывал строки на разрозненных листочках. Душа тянулась к красоте. «Стихи не пишутся — случаются», — написал поэт. Так и родилась книга стихотворений «Душа нарастающая» (М.: «ACADEMIA»). Из таких вот «случайностей» и состоит русская изящная словесность. Не минула чаша и Дмитрия Здраевского. «Свинцовые мерзости русской жизни» тере-